

nature” [1]. Так, произведение Дж. Уиндема «Хризалиды» относится к жанру научной фантастики, так как описывает события в будущем, предупреждая читателя о возможных последствиях применения достижений научно-технического прогресса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wyndham, John. The Chrysalids [Electronic resource] / J. Wyndham. – Mode of access: <https://gutenberg.ca/ebooks/wyndhamj-thechrysalids/wyndhamj-thechrysalids-00-h.html>. – Date of access: 21.03.2023.

[К содержанию](#)

В. Э. КОНТОРОВ

Новополоцк, ПГУ имени Евфросинии Полоцкой

Научный руководитель – З. И. Третьяк

АКСИОСФЕРА РОМАНА У. ФОЛКНЕРА «ШУМ И ЯРОСТЬ»

Понятие аксиосферы используется в трудах В. Е. Хализева, в частности в учебнике «Теория литературы». Под этим термином ученый понимает «мир ценностей» [1, с. 31]. Филолог пишет, что «ценность может быть определена как позитивная значимость единичных предметов, социально-культурных феноменов и бытия как такового, мыслимого и воображаемого универсума» [1, с. 31]. Это определение восходит к философской аксиологии, где ключевой является дихотомия ценности и антиценности: «Знание, добро, красота, святость, справедливость, правомерность, правильность могут быть подведены под общее родовое понятие «ценность» <...> их антитиподы – невежество, зло, безобразие, грех, несправедливость, беззаконие и пр., – подходят под общее понятие «антиценность», т. е. положительного или отрицательного значения чего-либо для людей» [2, с. 9].

Связь с философией сильна в трудах М. М. Бахтина. Интерес в практическом плане вызывает его незавершенная работа «К философии поступка», где филолог проводит анализ стихотворения А. С. Пушкина «Разлука», опираясь на понятие «ценностного контекста». Литературовед размышляет следующим образом: «В этой лирической пьесе два действующих лица: лирический герой (объективированный автор) и она (Ризнич), а следовательно, два ценностных контекста, две конкретные точки для соотнесения к ним конкретных ценностных моментов бытия, при этом второй контекст, не теряя своей самостоятельности, ценностно объемлется первым (ценностно утверждается им); и оба этих контекста в свою очередь объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника, находящегося вне архитектоники видения мира

произведения (не автор-герой, член этой архитектоники), и созерцателя» [3, с. 60]. Бахтин представляет эти «ценностные контексты» в виде кругов, в центре которых находятся «ценностные центры», т. е. персонажи [3, с. 62].

В романе «Шум и ярость» (*The Sound and the Fury*, 1929) рассказывается история семьи Компсонов, некогда преуспевающего южного американского рода, но на момент действия произведения (в основном первая четверть XX в.) переживающего не лучшие времена. Глава семейства Джейсон Компсон III страдает от алкоголизма. Мать Кэролайн Компсон показана апатичной женщиной, подверженной ипохондрии. Старший сын Квентин, на чье обучение в Кембридже была потрачена весомая доля семейного состояния, совершает самоубийство. Кэдди рано начинает половую жизнь, беременеет, а затем, пытаясь скрыть позор, вступает в отношения с новым мужчиной, который узнав правду, бросает девушку. Впоследствии она покидает семью родителей, оставив им свою дочь Квентину, которая повторяет судьбу Кэдди. Джейсон IV, новый глава семьи, вырастает циником и мизантропом. Бенджи рождается умственно неполноценным. Забота о нем ложится на плечи семьи. Словом, упадок (вырождение) становится ключевым мотивом в структуре художественного мира романа.

Необходимость пристального внимания к ценностным контекстам продиктована спецификой объекта настоящего исследования. Так, произведение состоит из четырех глав, которые представляют собой четыре различные видения мира (Фолкнер использует прием точек зрения). Более того, роман написан с помощью техники потока сознания, в мельчайших подробностях передающей душевные волнения героев. Столь глубокое изображение внутреннего мира персонажей и ярко выраженные полифоничность и многоповествовательность создают плодородную почву для анализа и интерпретации ценностей, присущих каждому из них.

Первая глава романа (рассказчик Бенджи) напоминает хаотический коллаж разновременных событий из жизни семьи. Это является следствием особенностей психического развития мужчины, которому не доступно восприятие мира в идеях и концептах. В том числе Бенджи не доступна идея времени. Аксиосфера Бенджи неполноценна, так как для него существуют только внутренние ценности (*intrinsic values*), т. е. ситуации, когда объекты важны не ради чего-то (например, ценностей более высшего порядка), а просто по факту своего существования [4]. Главной ценностью для мужчины является его сестра Кэдди, которая в детстве проводила много времени с ним. После ее ухода из семьи, душевное состояние Бенджи еще сильнее ухудшается, что выражается в постоянном плаче. Один из немногих способов успокоить несчастного – дать ему объект, связанный с сестрой, например женскую туфельку, своеобразную

эрзац-ценность. Кроме того, Бенджи успокаивается, глядя на огонь, гуляя по лугу или держа в руках цветок. Все это делает трудно применимыми для анализа образа мужчины сложные классификации ценностей (например, предложенное Хализевым деление на онтологические, витальные ценности и трансгисторические формы культуры [1, с. 31]).

В следующей главе произведения, потоке сознания Квентина, главной ценностью для него является смерть, т. е. антивитальная ценность. В сущности, Фолкнер описывает внутренний мир человека, готовящегося к самоубийству. Крайне пессимистический настрой юноши, кроме тяги к смерти, присущей ему с детства, вызван разуверением в ценностях и в отдельных случаях принятием их релятивистского характера. Другим объектом, доминирующим в ценностном контексте персонажа, является Кэдди. Причем ценен ее идеализированный образ, воспринимаемый через призму южных консервативных взглядов. Однако, по мнению Квентина, поведение Кэдди (промискуитет) перечет конвенциональному поведению, а одна из главных задач любого мужчины – сдерживание женских «порывов»: «Мы с отцом – защитники женщин от них же самих, наших женщин. Так уж устроены женщины. Им не свойственно, как нам, вникать в характеры людей. От рождения в мозгу у них посев готовых подозрений, плодоносящих то и дело. И они обычно не ошибаются, ибо на прегрешение и зло у них чутье способность восполнять недостающие злу звенья»¹ [5, с. 78]. Закономерно, что время играет роль доминирующей антиценности в аксиосфере Квентина: «Все подобрал этот круг циферблата, все скопил, что только в жизни меня огорчало, – как, по негритянской примете, молодая луна воду копит»² [5, с. 69]. Заметим, что убеждения юноши практически полностью сформированы под влиянием его отца. К примеру, думая о сестре, юноша мысленно воспроизводит слова Джейсона старшего: «Не понимала она, что отец тому единственно учил нас, что люди всего-навсего труха, куклы, набитые опилками, сметенными с мусорных куч, где все прежние куклы валяются и опилки текут из ничьей раны в ничьем боку не за меня неумершего»³ [5, с. 139]. По всей видимости, здесь повторяется мотив семейной обреченности, в смысле негативного влияния каждого поколения на следующее. Также в романе наблюдается разуверение Квентина в христианстве и, соответственно, ценностях этой религии.

¹ «Father and I protect women from one another from themselves our women Women are like that they dont acquire knowledge of people we are for that they are just born with a practical fertility of suspicion that makes a crop every so often and usually right they have an affinity for evil for supplying whatever the evil lacks in itself...» [6, p. 80].

² «Holding all I used to be sorry about like the new moon holding water, niggers say» [6, p. 71].

³ «...she couldn't see that Father was teaching us that all men are just accumulations dolls stuffed with sawdust swept up from the trash heaps where all previous dolls had been thrown away the sawdust flowing from what wound in what side that not for me died not...» [6, p. 147].

Третью главу романа (рассказ Джейсона) следует рассмотреть вместе с четвертой частью, так как в ней продолжается развитие сюжета, напрямую связанного с этим героем. На первый взгляд, определяющей для мировоззрения Джейсона ценностью являются деньги. Такая интерпретация поступков и мыслей героя диктуется содержанием потока сознания персонажа. Так, он играет на хлопковой бирже и присваивает деньги, которые перечисляет Кэдди своей дочери Квентине. В то же время всезнающий повествователь в четвертой главе, говоря о погоне Джейсона за своей племянницей, укравшей у дяди наворованные деньги, дает понять читателю, что мужчиной большую часть жизни движет месть: «Ни то, ни другое для него вот уже десяток лет не существовало отдельно, само по себе, а лишь олицетворяло в совокупности своей ту банковскую должность, которой он лишился, не успев и занять ее»⁴ [5, с. 242].

Негативно окрашивается большинство объектов, оказывающихся в ценностном контексте героя. В идейном плане особенно примечательны расизм, антисемитизм, ксенофобия и мизогиния Джейсона. Характерными для персонажа являются фразы на манер: «Если тебе нечем бабу другим удивить, удиви оплеухой»⁵ [5, с. 153]. Кроме того, он показан антихристианином, который «стащит с трона самого Всевышнего, если потребуется»⁶ [5, с. 243]. Словом, Фолкнер изображает человека, не имеющего ценностей либо потерявшего в них веру (здесь Джейсон отчасти подобен старшему брату Квентину), но в то же время не нуждающегося в них.

В четвертой главе, центральным действующим лицом которой является черная служанка Дилси, намечается возможность преодоления энтропии, показанной в произведении до этого момента. Образ женщины отличается полнотой аксиосферы, в которой преобладают онтологические (в их христианской трактовке и конфигурации) ценности. Среди них особенно можно выделить сострадание и смирение. На протяжении третьей и четвертой глав Фолкнер делает акцент, что Дилси является организующим началом, оберегающим семью от окончательного разрушения. Так, служанка заботится об уже не молодой, но по-прежнему страдающей ипохондрией Кэролайн Компсон. Кроме того, Дилси защищает Бенджи и мисс Квентину от нападков Джейсона и так или иначе стремится сглаживать конфликты между героями.

Примечательно противопоставление Дилси и Джейсона, являющихся носителями разных систем ценностей. Если образ мужчины отличается подчеркнутой рационалистичностью, а его ценности материалистичны, то Дилси характеризуется духовностью. Это выражается путем использо-

⁴ «Neither of them had had entity or individuality for him for ten years; together they merely symbolized the job in the bank of which he had been deprived before he ever got it» [6, p. 260].

⁵ «If you can't think of any other way to surprise them, give them a bust in the jaw» [6, p. 164].

⁶ «...dragging Omnipotence down from His throne, if necessary...» [6, p. 260].

вания Фолкнером глобальной сюжетной антитезы в четвертой главе. Так, Джейсон устраивает погоню за украденными деньгами и ищет свою племянницу там, где остановилась цирковая труппа. В это же время семья черной прислуги и Бенджи посещают церковную службу, символизирующую надежду на спасение в христианском смысле. Проповедник произносит следующие слова: «Я вижу воскресение и свет, вижу кроткого Иисуса, говорящего: “Меня убили, дабы вы воскресли; я принял смерть, чтоб те, кто видит и верит, жили бы вечно”⁷ Братья, о братья! Я вижу час последнего суда, слышу золотые трубы, трубящие славу с небес, и вижу, как встают из мертвых сберегшие память об агнце и пролитой крови его!» [5, с. 235]. Сама женщина «сидела вся прямая и немо, строго плакала над пресущеванием и кровью воспомянутого страстотерпца»⁸ [5, с. 235].

Произведение завершается на пессимистической ноте: плачем Бенджи, как и начиналось. С помощью этого приема автор закольцовывает повествование и указывает, что разрешение этого семейного конфликта невозможно. Тем не менее стоит признать, что автор предлагает читателю альтернативу шуму и ярости Компсонов, выражающуюся в цельном мировоззрении Дилси, носительнице христианских ценностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.
2. Анисимов, С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие для изучающих философию / С. Ф. Анисимов. – М. : Соврем. тетради, 2001. – 128 с.
3. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Рос. акад. наук. – М. : Рус. слов., 2002. – Т. 6. – 799 с.
4. Zimmerman, M. J. Intrinsic vs. Extrinsic Value [Electronic resource] / M. J. Zimmerman, B. Bradley. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/value-intrinsic-extrinsic>. – Date of access: 01.05.2023.
5. Фолкнер, У. Собрание сочинений : в 9 т / У. Фолкнер. – М. : ТЕПРА : Кн. клуб, 2001. – Т. 2: Шум и ярость : роман / пер. с англ. О. Сороки ; Когда я умираю : роман / пер. с англ. В. Голышева ; Святилище : роман / пер. с англ. Д. Вознякевича ; послесл. Б. Грибанова. – 576 с.
6. Faulkner, W. The Sound and the Fury / W. Faulkner ; Introduction by R. Hughes. – London : Vintage Books, 1995. – 272 p.

[К содержанию](#)

⁷ «I sees de resurrection en de light; sees de meek Jesus say in Dey kilt Me dat ye shall live again; I died dat dem whut sees en believes shall never die. Breddren, O breddren! I sees de doom crack en hears de golden horns shoutin down de glory, en de arisen dead whut got de blood en de ricklickshun of de Lamb!» [6, p. 252].

⁸ «...sat bolt upright beside, crying rigidly and quietly in the annealment and the blood of the remembered Lamb» [6, p. 252].